

Петлюра, евреи, погромы

История могла бы быть другой. Скажем, Симон Петлюра мог бы жестко отреагировать на Проскуровский погром и считаться одним из самых прогрессивных военачальников тогдашней Европы. Однако он не отреагировал — и в результате погрома погибло около полутора тысяч евреев.

Для сравнения: в результате пацификации 1930 года, когда польская армия подавляла оуновскую саботажную кампанию, погибло несколько украинцев. Тем не менее эта пацификация до сих пор — краеугольный камень ненависти украинских националистов к режиму Пилсудского. В печально известной тюрьме в Берёзе-Картузской одновременно сидели всего-навсего несколько сот заключенных, далеко не все из которых были украинцами. Тем не менее Берёза, вкуче с пацификацией, до сих пор для многих является оправданием бандеровской «акции уничтожения поляков».

Повторю: в одном только Проскуровском погроме за несколько дней были убиты полторы тысячи евреев. А погром был не один. И, кроме убитых, были

еще искалеченные, ограбленные, униженные. Симон Петлюра на это не реагировал. Погромы продолжались.

И вот, стоило евреям возмутиться установлением памятника Петлюре в бывшем еврейском районе Винницы — как в среде националистически ориентированных украинцев поднялась буря: они нам никогда не позволят иметь своих героев!

Возникает вопрос: а зачем нам собственные герои? Для того, чтобы раздражать ими всех вокруг? Вряд ли.

Для того, чтобы учиться у них? А чему мы можем научиться у тех, кто проиграл и был убит на чужбине?

На самом деле кое-чему мы сможем у них научиться. Такие герои принесут пользу лишь в том случае, если мы вместо того, чтобы лепить из них безупречных кумиров, тщательно проанализируем все, что они делали, и каждый шаг подвергнем беспощадной критике.

Вот, например, Симон Петлюра. Мы ведь знаем, что он не был убежденным антисемитом. Как же произошло, что его войска совершали массовые

убийства по этническому признаку, а он не протестовал, не карал виновных? Рискну предположить, что Верховный атаман осознавал низкую мотивацию своих бойцов. Украинцы в большинстве своем (было и сознательное меньшинство) не очень понимали, что они украинцы, а тем более не понимали, зачем воевать за Украину. В этой ситуации Петлюра просто не рискнул отбирать у своих солдат едва ли не единственное, чем они могли компенсировать свое пребывание в армии УНР, — право на самовольное насилие. Грубо говоря, еврейскими жизнями Петлюра платил своим солдатам за лояльность, потому что больше было нечем.

К чему это привело в итоге? Еврейское население склонилось на сторону большевиков. Страны Антанты окончательно отвернулись от УНР, к которой они и так не благоволили. Освободить Украину не удалось. Уже в следующем году Петлюра отдал Польше западноукраинские земли — чем оттолкнул от себя еще и галичан. Польша помогла Петлюре взять Киев, но удержать его атаман так и не смог. Даже посмертный судебный процесс Петлюра проиграл — почитайте стенограмму, это действительно интересно.

При этом лично у меня нет претензий к идеологии Петлюры (в отличие от идеологии Бандеры или Мельника), зато есть конкретная и обоснованная претензия к его фактической политике. По меньшей мере, он заслуживает осуждения за преступную халатность.

Стоит ли такому деятелю ставить памятник? Тем более — в районе, где подчиненные ему войска уничтожали граждан УНР за их еврейское происхождение?

Думаю, на эти вопросы должно ответить все наше общество, но только тщательно изучив объективные факты. А структура под названием «Институт национальной памяти» должна обществу эти факты предоставить, а не выдумывать оправдания для тех, кого она хотела бы видеть национальными героями. Но это, конечно, не о современной Украине.

Можете соглашаться или нет, но, по-моему, Украина, которая не боится говорить неудобную правду о своей истории, — это гораздо лучшая Украина. Это сильная Украина. И это точно Украина, противоположная «русскому миру», а не какой-то его региональный вариант.

Да, история могла быть иной. К сожалению, не была. И нам надо думать, как с

ней такой жить.

Павел Зубюк, Zaxid.net